

A full-length portrait of a young girl with long, wavy, reddish-brown hair. She has a serious expression and is looking directly at the camera. She is wearing a historical-style dress with a dark green bodice and a light beige, long-sleeved outer garment. The background is a dark, neutral color.

Людмила Зайкина

Настька

Людмила Зайкина

Настька

«Автор»

2026

Зайкина Л.

Настька / Л. Зайкина — «Автор», 2026

Бедное дитя! Весна нынче без тепла, холодно, а она в платишке... — переживал люд деревенский за девочку лет восьми в растрёпанном платице да с кудрями огненно-рыжими, не расчёсанными. Боялись вмешаться в дело Марфы — то ли справедливое, то ли грешное супротив девчонки. Знали характер соседки: строгий, но справедливый. И если бежит, орёт да кулаками размахивает — знать, так и должно быть. Не то осмелившемуся поперёк встать достанется с лихвой, мало не покажется.

© Зайкина Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Зайкина

Настька

настя

То ногу на ледяную лужу поставит, да стеклянную поверхность не потревожит, воду через неё на поверхность не выплеснет, сапожки не замочит — в отличие от бабы безумной, что от самой избы за девкой да по всей деревне с криками гоняется.

— И чего взбесилась? — недоумевал народ, потревоженный криками. Повыскакивали на шум, толпились кучками малыми возле дворов да калиток своих.

— Бедное дитя! Весна нынче без тепла, холодно, а она в платишке... — переживал люд деревенский за девочку лет восьми в растрёпанном платице да с кудрями огненно-рыжими, не расчёсанными. Боялись вмешаться в дело Марфы — то ли справедливое, то ли грешное супротив девчонки. Знали характер соседки: строгий, но справедливый. И если бежит, орёт да кулаками размахивает — знать, так и должно быть. Не то осмелившемуся поперёк встать достанется с лихвой, мало не покажется. А тут ещё и кочерга в руках разъярённой женщины останавливала желающих вмешаться. Предупреждающе взлетало оружие опасное: то вверх, то вниз опускалось, не достигнув цели. И вдруг Марфа чуть не растянулась на глазах народа, глазеющего на происходящее. Споткнулась о бревно, брошенное кем-то к её ногам. Но этот благодетель остался в тайне: никто не успел заметить человека с доброй душой и чистыми помыслами.

+

— Чем-то Марфу расстроила, рассердила, да так сильно, что мочи терпеть, видно, не хватило. Носится за ней... — судачили соседки, любительницы посплетничать да порассуждать о чужих бедах да радостях. Их так и звали — болтушки. Смеялись, говоря: «Агашка-судачка да Варька-судачка...» Вот и сейчас, стоя, головы друг к другу склонили и судачат, обсуждают происходящее:

— Почитай, два денька без ругани-то и жили. "Тишь да благодать была", — говорила Варвара.

— Ты посмотри, сейчас Настьку выцарапает, окаянная, да кочергой вдарит, замахнулась ужо. Ой! Божички! — крикнула да рванулась на защиту девочки Агашка, да была остановлена Варварой:

— Стой ты! Пошто хочешь кочергу на себе испытать?

Да только Агашка вырвалась да меж девчонкой и её матерью встала. За руку схватила разъярённую фурию, а та в гнев-то страшна, на заступницу-то и замахнулась. Та ажно испугалась, но Марфу удержала: рукой — одной, а другой голову прикрыла. Видно, боялась всё ж получить гостинец вместо Настьки, испытать радость бессознательности.

— Отойди! Не то и тебе достанется! Зашибу!

Сглотнула Агашка, видя в глазах Марфы неконтролируемый гнев, вдохнула поболее воздуха и пробурчала:

— Да знаю я... только девчонку жаль...

Марфа освободилась да опять за Настькой:

— Ишь, расслабилась! Стоит! Подь сюда!

Да к дочери лисым шагом, словно зверёк на охоте за мышью, и направилась. Настька не стала ждать, отскочила:

— Мам...

— Чего все повыскакивали? Да галдят? И вы опять пересуживаете? Что здесь содеялось-то и чего Марфа за Настькой носится? Ух, какая тигра вся... — слышали соседки за

спиной грозный рык кузнеца. — Чего народ толпится, словно пчёлы из улья, потревоженные по весне?

— А ты, Митрич, незряч, что ли? Глух? Не видишь, что ли? Настьку Марфа гоняет. Весь народ взбаламутили.

— Смотрите-ка! К нам направляются. Бегут. Ну, держись. Что будет?! — Агашка толкнула в бок Варвару. — Он сам, чать, видит, чего указывать-то ему.

Митрич отодвинул соседок да перед ними и встал:

— Посторонись, бабёнки. Сам разберусь!

+

Меж тем Настька уж рядом оказалась, за могучую спину мужика спряталась да головой в спину упёрлась — боится выглянуть. Бабы вокруг собрались, ограждают от женщины провинившуюся дочь да Митрича. Марфа глянула на мужика, посмеявшегося ей перечить, да только тот не испугался её гневного взгляда: стоит как стоял, не пускает мать к дочери. Марфа не растерялась, растолкала баб, что Настьку окружили да хотели её уберечь от взбесившейся фурии. Да ничего у них не вышло: Марфа Настьку настигла, за косу золотистую схватила да трепать стала с криками да воплями. Настька орёт благим матом.

Тут Митрич вмешался: от Марфы девчонку-то спас, да ненадолго. Та, почуяв свободу, побежала, да не в сторону деревни, а вокруг спасителя бегают, кричит:

— Я больше... не буду...

Марфа за ней бегают да орёт вослед: — Я те покажу, как мою юбку на котёнка менять... А козу к кому свела?

— Я ж сказала, что верну-у-у...

— Вернёт она! — запыхалась да остановилась мать. — А платье выходное тоже вернёшь? — отдышалась и опять за девчонкой: — Изрезала...

Бег свой продолжили, да только Митричу надоело. Поймал Настьку да на плечи и усадил. Мужик-то был немалого росту. Марфа и не заметила исчезновения Настьки, кружит и кружит вокруг мужика. Видно было, что приустала. Остановилась да опустилась без сил на колени близ ног бравого кузнеца и не смотрит на него. Не видит его строгого взгляда из-под бровей, широких да густых.

Старшой был на деревне. Все его побаивались да с уважением к нему относились. Немало люду испытали его кулака да от одного загрешины. Вот и сейчас жди от него буйного, что сделает да что скажет. Ох, не любит он скандалов да драк! Ругань терпеть не может. Как услышит — так тут как тут. Жди беды. Все разом умиряются.

+

— Что, Марфа, устала? Притомилась девчонку гонять-то? — усмехнулся он, сверху на бабу глядя, и уже со строгостью добавил: — Ты чего это удумала-то? Совсем девчонку зашпыняла? Не позволю дитя обижать...

— Так я... её... Я в огороде грядки готовила, земля-то на солнце вытаяла, вот я и занялась ею. А Настька за это время, таясь от меня, столько дел натворить успела... — бормотала Марфа, вставая с колен и отряхивая подол от воды, что была под хрупким льдом. Лёд-то она раздавила и замочила юбку. — Я ж ведь в гнев страшном, Иван Митрич... Ах, вот ты где! А ну слазь с плеч... — крикнула она, увидев дочь, сидящую на плечах кузнеца и вцепившуюся в его волосы.

При крике матери Настька лицом побелела и ещё крепче вцепилась в Митрича. Молчит. Знает, что перечить матери не стоит. Но недолго её знания имели память о мокрой тряпке по заднице и сидении в курятнике, куда часто забиралась. Марфа так и не нашла её потаённое место. Ох, баловной была девчонка! Часто попадало от матери. Отца-то не было: как ушёл в волость на заработки, так и пропал. Ни денег, ни любимого бати-защитника от гнева материнского.

Митрич терпел цепкость рук, хоть и больно было. Того гляди, девчонка без волос оставит, но не опустил на землю. Берёт её.

— Марфа, остепенись. Нечего на дитя гневаться. Мала она ещё. Настька, а ну ослабь хватку-то. Лысые никому не нужны. А мне ещё жену надо подыскать... Иль тебя подождать?

Настька хихикнула, но не отпустила, не ослабила хватку. Носом в макушку мужика уткнулась.

— Ну и держись, — хмыкнул Митрич, — знать, на тебе и женюсь. Как раз волосы отрасли тут...

Не успел он договорить, как девчонка по спине его сползла, да и убежала в сторону реки. Все заахали, заохали.

+

Кабы чего с собой не сделала Настька! Все на Марфу накинулись:

— Ты чего наделала?

— Да ты дурная баба...

Крику, шуму-то! Ор стоит вокруг обезумевшей от страха за дочь Марфы. Ноги словно ватные.

Голос Митрича вывел её из оцепенения:

— Чего стоишь? Беги за дочерью!

— Ох, батюшки! — запричитала женщина. Придерживая подол юбки, кинулась вслед за Настькой. Митрич следом широченными шагами торопится за ней.

Да только их опередил мальчонка лет десяти. Быстрее оказался. Поймал Настьку на берегу Сененьги. Держит её, не отпускает. Та вырывается, бьётся в его руках, ругается:

— Ты чё, Стёпка, дурень, что ли? Чего вцепился? Хочешь руки моей испытать? Только отпусти...

А тут и мать подросла. Стёпка при виде Марфы отпустил Настьку.

— Чего удумала, доченька? — упала на колени Марфа. Руки тянет к Настьке, а та за дружка своего Стёпку прячется, рёвом ревёт. Боится, что мать накажет: кочерга-то в руках её так и осталась, с ней и прибежала. Настька не на мать смотрит, а на кочергу. Дрожит вся, как лист на ветру. Стёпка её за спиной прячет от матери, вставшей с колен и приближающейся к ней с некой осторожностью.

— Настенька, да что ж ты надумала? Да зачем... Как я без тебя буду? Хочешь котёнка? Пусть останется... Ну нет у меня платья с юбкой — пошью ещё. Доченька...

— Брось кочергу-то! — Митрич не выдержал. — Не видишь? Боится девчонка. Хватит причитать! — кочергу выдернул из рук Марфы да за пояс заткнул. — Потом обратно отдам. Потом! — подтолкнул мать к дочери. — Обними дочь-то.

— Мамочка, прости! — с криком на шею матери бросилась Настька. — Я больше не буду...

Обнялись мать с дочерью. Стоят в объятиях, рыдают.

— Может, хватит слёзы лить? Холодно. По домам пора. Эх, бабы, бабы... Что с вами делать-то? Вон река лёд сбрасывает — шуму от неё меньше, чем от вас... Стёпка, а ты мужик!

За подружку заступился, — похвалил Митрич мальчонку да хлопнул его по плечу. Стёпка едва удержался на ногах: рука кузнеца тяжела да сильна.

+

— Я? Да что вы, Иван Дмитрич? — мальчонка попятился да с берега в реку и упал. Вода-то вдоль берега без льда, да глубина прибавилась. Стёпка от холода да от ужаса посинел весь. Пытается выпрыгнуть, да силёнок мало — под воду пошёл. Митрич пока обувку снимал, Настька уже прыгнула в воду, за руку поймала мальчонку, к себе прижала, крепко держит. Тот с испугу да холода застыл без движения, лишь глазёнками смотрит да ртом воздух ловит. Тут уже и Марфа подросла, да только зря она это сделала: юбка на ней набухла тут же от воды-то и потянула на дно. Сильна баба-то была, выныривала до последнего. Митрич детей вытащил на берег да за Марфой — и её на берег вытолкнул, из воды сам выбрался. Сидят все на берегу, мокрые, от ветра холодного дрожат, слова выговорить не могут.

Тут люд деревенский подрос, вокруг столпился. Кто с себя одёжу снимает, кто шапку. А тут и Митрофан на телеге, запряжённой старой кобылой. И как он так быстро приехал? Удивлялись все: кобыла-то еле ноги переставляла, а тут, гляди-ка, почти галопом примчалась — видно, щелчки кнута её подгоняли. Усадили утопленников-то в телегу, соломой закидали да в деревню, по домам развезли. Кузнец-то ничего, сдюжил, не заболел. Дома-то обогрелся чем мог: водкой, что в прошлом прикупил для согрева да с устатку, выпил опосля баньки. Обошлось.

На второй-то день обеспокоился он о Марфе с Настькой. Да бегом к ним, водку да сало барсучье с собой прихватил. «С бабами мороки много... слабы они, — думал он. — Попарить да водкой натереть... Эх, бабы, всё от них... Кабы худо не пришло...»

+6

Волновался Митрич, по дороге быстро шагал. Соседки его и увидели:

— Митрич, куда так спешишь? Глянь, аж из-под ног ошмётки летят в разные стороны... — хихикнула Варька-судачка.

— Да неужто к Марфе торопится... — вздохнула Агашка-судачка.

— Вам бы только судачить да разговоры водить... — бросил Митрич, не останавливаясь. Бабы что-то ещё вдогонку кричали, да мужик уже и не слыхивал их. Все думы о Марфе да Настьке. Что да как там у них?

Долго стучать не пришлось. Дверь распахнулась, и на пороге показалась Марфа, вся в слезах:

— Митрич! Ваня, помоги! Настька... горит огнём. Опаливает. Еле дышит. Хрипит и в беспамятстве...

— Погодь причитать-то, — проговорил Митрич и в избу вошёл. — Где? — строго глянул на женщину. Та кинулась к печи:

— Да туточки, Ваня, за печкой... Может, Травку?

Митрич к девчущке подошёл. Глянул на её алые щёки да на закрытые глаза, на чуть подрагивающие реснички. Видно, пыталась глаза открыть, да никак не смогла. Губы шевелились в беззвучном шёпоте. Иван наклонился, хотел услышать, что Настька хочет сказать, да только уловил её горячее дыхание.

— Беда, Марфа... доживёт ли до утра...

— Божичко! — завопила Марфа. — Доченька моя... да как же я без тебя... Ваня, помоги, спаси! Век буду тебе благодарна... — упала перед мужиком на колени, руки тянет к нему: — На тебя надежда...

— Да что я смогу сделать-то? — растерялся мужик. Марфу с ног поднял: — Раздевай девочку, попробуем лечить... Неси-ка студёной воды. Жар снять надобно, не то сгорит.

Марфа тут же сорвалась, вёдра схватила да побежала к колодцу. Там-то на Травку и нарвалась.

— Марфа, ты чё, как очумелая, несёшься? Чуть с ног не сшибла.

— Травка, погодь... — Марфа уж из колодца воду тягает. — Бяда у нас. Настька захворала... горит, аж жутко мне...

— Слыхала я, что на реке-то произошло... Вчерась у Стёпки была.

— Ну и?

— Обошлось. Успела споймать хворь-то. Ничего, сидит уже, чай с малиной пьёт... Пошли, девонька, к твоей доченьке. Чем смогу, тем и помогу. Вон и травки набрала, быстренько на ноги поставим. Не для неё ли водицу ледяную несёшь?

— Ей, Травка. Ты уж помоги.

— Помогу. Настька-то у тебя — ой, умница...

Но не стала Травка открывать всю правду про неё саму и Настьку...

+7

Про неё-то все знали. Про Травку, значит. Все так и звали, об имени Акулина все уж и позабыли: Травка да Травка. Была она на радость людям, а кому — и в горе. Не всех успевала от смерти увести, но, не будь её, многие ещё в младенчестве к Богу отправились бы. Знала она много о травах да о заговорах, только никому пока не передавала знания свои. Многие просились. Судачили за её спиной, побаивались её зелёных, всё ещё сияющих огоньком глаз. Видя её преклонные лета и сгорбленность, понимали, что долго ей не быть на этом свете и останутся они сами по себе. Доктора-то не быстро дождёшься: далеке деревенька от волости, а врач один, всё время в разъездах. Только вот эта круглолицая, с морщинами во всё лицо да седыми волосами, выбивавшимися из-под платка, и помогала болезненным. Приветливо улыбаясь, но с неизменной серьёзностью в глазах, она внимательно выслушивала и ворковала над больным. Отварами лечила. Как только снежок сходил, так она в леса да на луга с корзиночкой. Сгорбившись над каждой травкой, с шепотками срывала и в корзиночку бережно складывала. «Травка к травке, цветок да корешок любят ласку, чтобы помочь», — говаривала она. Когда дети вокруг неё бегали, она клюшкой замахнётся да прикрикнет, если они невзначай примнут нужную ей травку. Разбегутся детки, а кой-кто и поможет собирать.

Но больше всего бабка Травка Настьку любила — за её доброту, отзывчивость, немалую силу души и память. Каждую травку девочка запоминала да спрашивала, для чего та нужна. Травка ей всё рассказывала и показывала, только предупредила, чтобы никому не говорили о том, что она её обучает:

— Смотри, скажешь кому — обретёшь одиночество и будешь, как я, жить на самом краю. Зависть людская страшна и злобна: затравят тебя и меня сгубят.

Настька клялась и божилась, выполняя наказ Травки.

+8

Марфа и не догадывалась об увлечении дочери. Всё думала, что та с ребятнёй бегают, играет, в лесу пропадает. А что ещё дитю надобно? Пусть играет, пока маленькая. Придёт время — ещё настрадается, а ли счастлива будет, одному Богу и известно. Сама-то настрадалась.

Марфа-то девица видная была, пятнадцать годков тогда только исполнилось. Парни на неё заглядывались. Ой, как заглядывались! И Ванька, Митричем которого сейчас кличут, тоже не отставал, ему ж тогда было годков так двадцать. Жениться пора настала, да только и говорил, вихор крутя: «Марфу буду ждать. Люба она мне». Та, бывало, раскраснеется, косу за плечо

закинет и уточкой мимо него пройдёт, а он-то селезнем, селезнем, грудь колесом — да за ней. Вся деревня только и шепталась, да родителям Марфы говаривали: «Ой, держитесь, скоро до свадьбы дойдёт. Вот попъём да поедим за столом вместе с вами». Те отнекивались, мол, мала ещё, но насторожились. Кому ж не хотелось дочь выдать замуж по большей выгоде? Хотели в волость отправить горничной али ещё кем — может, кому приглянется.

Да только судьба была другого мнения. Пожар случился. Да ночью. Непонятно, откуда взялся? Все уж спали. Как набат колокольный загремел, люд весь проснулся да на улицу. А там уж дом полыхает, вот-вот крыша рухнет. А тут из двери горящей хаты мужичок выскочил с ношей на руках. Все так и ахнули:

— Васька?

Мужик Марфу на руках и вынес из избы. На землю положил к ногам зевак, собравшихся возле них. Дом спасти уже поздно было. Родители сгорели, не смогли спастись — поздно узнали о пожаре. Хотя и приехала телега с бочкой да вёдрами, ну, полили немного — бесполезно. Марфа в чувства-то пришла, но как увидела да поняла, что изба в огне, в крик:

— Папенька... маменька... Спасите, ради Христа...

А ей в ответ:

— Не кричи криком, хорошо, тебя Васька вынес, а то б с ними...

Марфа, как услышала, в беспамятство и ушла. Неделю у Васьки на кровати за печкой в огне телесном металась. Думали, уйдёт следом за родителями. Бабка-Травка всё бегала к ним да отварами отпаивала. Встала Марфа. Васька возле неё крутится, никому подойти к ней не даёт. Как же Ванька убивался за любимую! Да ничего сделать-то не мог: не допускал Васька его к дивчине, топором угрожал, как только Ванька приближался к его дому.

Марфа так и жила у Васьки, как тень ходила. Словно умом тронулась, в себя ушла. В хозяйстве Васькином работала. Хозяйство-то хорошее у того было: две коровы, несколько овец, а птицу и считать — не пересчитать. Так и жила, пока Васька вдруг не собрался в волость на заработки. Было теперь на кого оставить хозяйство. Марфа начала в себя приходить, поправилась да похорошела. Вот Васька и решил уйти на заработки. Обещал вернуться к осени, да только не сдержал слово — не вернулся. Марфа ждала: за ворота выходила, когда никого рядом не было, таилась, видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.